

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Шаповалов Алексей Владимирович

**АВТОР КАК КАТЕГОРИЯ ТЕКСТА
В ЛЕТОПИСАНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ XI-XIII ВВ.
(ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЙ КОНТЕКСТ)**

Специальность 5.9.1 – Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2023

Диссертация подготовлена на кафедре истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

Пауткин Алексей Аркадьевич

доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Трофимова Нина Владимировна

доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет» (МПГУ),
Институт филологии, профессор кафедры
классической русской литературы

Алпатов Сергей Викторович

доктор филологических наук
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова»,
филологический факультет
заведующий кафедрой
русского устного народного творчества

Демичева Наталья Алексеевна

кандидат филологических наук,
ФГБУН «Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской
академии наук» (ИМЛИ РАН),
старший научный сотрудник
Отдела древнеславянских литератур

Защита диссертации состоится 7 июня 2023 года в 16 часов на заседании диссертационного совета МГУ.059.2 Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова по адресу:

119991, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус МГУ, филологический факультет.

E-mail: ruslit@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/059.2/2533>

Автореферат разослан 27 апреля 2023 года.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор филологических наук

О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Категория автора является одной из наиболее сложных при изучении средневековых текстов. Это обусловлено как недостаточностью источниковой базы, так и традиционным характером средневековой культуры, в которой редко встречаются самовыражение и спонтанные реакции на описываемые события. Тем не менее, в последние десятилетия тезис об анонимном характере средневековых письменных памятников уступает место исследованиям различных аспектов категории средневекового авторства. Одним из подходов к этой проблеме является изучение авторских проявлений в тексте, который часто является единственным сохранившимся источником информации о своем создателе. Высказывания, прямо не связанные с основным ходом повествования, представляют особенный интерес, поскольку они позволяют судить о понимании средневековыми книжниками целей, задач и композиции создаваемого текста и лучше понять условия его бытования. При этом продуктивны не только автобиографические упоминания, но и оценочные высказывания книжников, употребления ими различных выразительных средств и другие особенности их повествовательной манеры.

Актуальность темы обусловлена неослабевающим интересом современной науки к различным аспектам категории средневекового авторства, недостаточной изученностью влияния социального окружения на принципы работы историописателей, вопросов об их менталитете, способах выражения оценки и эмоциональности, а также необходимостью интерпретации форм авторского присутствия как типичных или особенных проявлений.

Степень разработанности темы. Проблема авторства средневековых памятников давно привлекала внимание специалистов из разных областей гуманитарного знания. Вопросы средневековой ментальности изучали

Й. Хейзинга¹, М.А. Барг², А.Я. Гуревич³, К.А. Левинсон⁴, З.Ю. Метлицкая⁵. Об авторстве древнерусских летописей писали многие исследователи XIX-XX вв. – А.Л. Шлецер⁶, Д.И. Прозоровский⁷, В.С. Иконников⁸, М.Д. Приселков⁹, Д.С. Лихачев¹⁰, Б.М. Клосс¹¹, а на рубеже XX-XXI вв. – А.А. Пауткин¹², А.А. Гиппиус¹³, С.М. Михеев¹⁴, Н.В. Трофимова¹⁵. Вопросы авторского самосознания древнерусских летописцев изучала Е.Л. Конявская¹⁶, их этнического и религиозного сознания – Н.И. Толстой¹⁷, В.М. Живов¹⁸, Г.К. Вагнер¹⁹, А.В. Лаушкин²⁰, Д.А. Добровольский²¹.

¹ *Хейзинга Й.* Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV вв. во Франции и Нидерландах / Сост., пред. и пер. Д.В. Сильвестрова; комм. и указ. Д.Э. Харитоновича. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. – 768 с.

² *Барг М.А.* Эпохи и идеи: Становление историзма. М.: Мысль, 1987. – 348 с.

³ *Гуревич А.Я.* Проблема ментальностей в современной историографии // *Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы.* М. 1989. Вып. 1, с. 75-89.

⁴ *Левинсон К.А.* Ментальности в средневековье: Концепции и практика исследований // *История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах.* Сост. Е.М. Михина. М.: РГГУ, 1996, с. 79-96.

⁵ *Метлицкая З.Ю.* Историческое самосознание англосаксонских анналистов IX-XI вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005. – 20 с.

⁶ *Шлецер А.Л.* Нестор. Русския летописи на древнеславянском языке. Санкт-Петербург: Императорская типография, 1809. – 475 с.

⁷ *Прозоровский Д.И.* Кто был первым писателем первой Новгородской летописи? // *Журнал министерства народного просвещения.* 1852. Часть LXXV, с. 1-28.

⁸ *Иконников В.С.* Летописные параллели. Миросозерцание летописца // *Опыт русской историографии.* В 2 т. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1908, Т. 2, Книга 1, с. 307-321.

⁹ *Приселков М.Д.* Нестор Летописец: Опыт историко-литературной характеристики. Петербург: Издательство Брокгауз-Ефрон, 1923. – 112 с.

¹⁰ *Лихачев Д.С.,* при участии Алексеева А.А. и Боброва А.Г. Текстология (на материале русской литературы X-XVII вв). СПб: Алетейя, 2001. – 759 с.

¹¹ *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI – XVII веков. М.: Наука, 1980. – 312 с.

¹² *Пауткин А.А.* Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания. М.: Издательство Московского университета, 2002. – 285 с.

¹³ *Гиппиус А.А.* Новгородская владычня летопись XII-XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // *Лингвистическое источниковедение и история русского языка <2004-2005>.* М.: Древлехранилище, 2006. С. 129-194.

¹⁴ *Михеев С.М.* Кто писал «Повесть временных лет»? М.: Индрик. 2011. – 280 с.

¹⁵ *Трофимова Н.В.* Автор в древнерусских воинских повестях // *Вестник славянских культур.* 2011. Т. XX. №. 2. С. 56-65.

¹⁶ *Конявская Е.Л.* Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XVв.). М.: Языки русской культуры, 2000. – 199 с.

¹⁷ *Толстой Н.И.* Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора “Повести временных лет” // *Из истории русской культуры.* Т. 1 (Древняя Русь). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 441-447.

¹⁸ *Живов В.М.* Об этническом и религиозном самосознании Нестора Летописца // *Живов В.М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянских культур, 2002. С. 170-186.

Наиболее подробное изучение проявлений «азь» летописца в «Повести временных лет» выполнено О.В. Иванайнен²², анализ высказываний книжников, организующих структуру погодной статьи или свода, проводили В.Ю. Франчук²³, И.С. Юрьева²⁴. Интересные наблюдения о принципах работы древнерусских книжников высказывали И.П. Еремин²⁵, Д.М. Буланин²⁶, Т.В. Гимон²⁷, А.Л. Юрганов²⁸, А.А. Горский²⁹.

Целью исследования является выявление и интерпретация форм авторского присутствия и их трансформаций в древнерусских летописях раннего периода, а также их сопоставление с авторскими экспликациями в текстах некоторых западнославянских хроник.

Задачи исследования.

- Выявление и анализ различных видов высказываний книжников от первого лица (сообщений о себе, упоминаний очевидцев и источников, рассуждений о методах работы и т.п.), определение их характера (оригинальные или заимствованные).

¹⁹ Вагнер Г.К. К вопросу о новом сознании Киевской Руси X-XII вв // Герменевтика древнерусской литературы. 1995. Сб. 8. С. 16-23.

²⁰ Лаушкин А.В. Провиденциализм как система мышления древнерусских летописцев (XI-XIII вв.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997. – 26 с.

²¹ Добровольский Д.А. Этническое самосознание древнерусских летописцев XI – начала XII вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. 2009. – 24 с.

²² Иванайнен О.В. «Азь» летописца в «Повести временных лет», его варианты и способы выражения // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 16–17. М.: Наука, 2014, с. 394-534.

²³ Франчук В.Ю. Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев: Наукова думка, 1986. – 180 с.

²⁴ Юрьева И.С. Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волынской летописями // Письменность Галицко-Волынского княжества: историко-филологические исследования. Оломоуц: Univerzita Palackého v Olomouci, 2016. С. 65-77.

²⁵ Еремин И.П. К характеристике Нестора как писателя // Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. М.–Л.: Наука, 1966. – 263 с.

²⁶ Буланин Д.М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. 1983. Т. 37, с. 3-13.

²⁷ Гимон Т.В. Работа новгородского летописца XV века: Комиссионный список Новгородской первой летописи // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. М. 1998, с. 91-93.

²⁸ Юрганов А.Л. Древнерусский автор и топосы // Источниковедение культуры. Альманах I. М. 2003, с. 325-350.

²⁹ Горский А.А. Янь Вышатич «против» Петра Бориславича: упоминали ли себя авторы древнерусских литературных произведений в третьем лице? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 1 (87). С. 7-15.

- Изучение других проявлений субъективности книжников (риторических вопросов и восклицаний, оценочных и эмотивных суждений, сравнений и эпитетов как авторских экспликаций), а также случаев их сочетаний друг с другом.
- Интерпретация осознанных изменений (случаев редакторской правки), вносимых переписчиками в текст летописи.
- Привлечение западнославянских памятников другого жанра (хроники) в качестве внешнего (латинского) контекста для обнаружения генетических и типологических сходств и отличий.
- Изучение обусловленности форм авторского присутствия социальными факторами (происхождением книжников, их окружением и условиями жизни).

Объектом исследования являются древнерусские летописи XI-XIII вв. (Повесть временных лет, Киевская, Галицкая, Волынская, Суздальская и Новгородская первая летописи). В качестве внешнего контекста привлекаются синхронные Повести временных лет по времени создания и описываемому периоду памятники, которые также лежат в основе историографии и литератур своих народов, – «Чешская хроника» Козьмы Пражского и «Хроника и деяния князей или правителей польских» Галла Анонима³⁰.

Предметом исследования являются формы авторского присутствия в указанных памятниках, выделяемые на основе формальных признаков, – высказывания книжников в форме первого (или реже третьего) лица и различные проявления субъективности (риторические вопросы и восклицания, оценочные и эмотивные высказывания, сравнения и эпитеты), а также их сочетания.

³⁰ В автореферате приняты следующие сокращения: Повесть временных лет – ПВЛ, Киевская летопись – КЛ, Галицкая летопись – ГЛ, Волынская летопись – ВЛ, Суздальская летопись – СЛ, Новгородская первая летопись (старшего извода, если не указано иное) – НПЛ, Чешская хроника – ЧХ, Хроника Галла Анонима – ХГА.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые проведено комплексное исследование форм авторского присутствия в летописях разных культурных центров Древней Руси XI-XIII вв. (Киева, Галича, Владимира-Волынского, Владимира-на-Клязьме, Суздаля, Новгорода-на-Волхове) в сопоставлении с хрониками древних Чехии и Польши.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации форм авторского присутствия в летописях Древней Руси XI-XIII вв., а также в выявлении типичных и особенных черт стиля древнерусских летописцев в контексте развития западнославянской книжности рубежа XI-XII вв.

Практическая ценность исследования связана с тем, что применяемый подход может использоваться для изучения форм авторского присутствия в произведениях исторического повествования разных жанров и эпох. Частные результаты исследования могут представлять интерес для различных медиевистических дисциплин, изучающих вопросы авторства и соотношения культурных и историографических традиций. Результаты диссертационной работы могут быть использованы в лекционных и специальных курсах по истории древнерусской литературы; в литературоведческих и междисциплинарных исследованиях; при самоподготовке студентов, магистрантов и аспирантов, обучающихся по гуманитарным направлениям и специальностям.

Методология. В работе применен междисциплинарный подход, сочетающий методы литературоведения и новой исторической науки. К первым относятся историко-литературный (изучение особенностей жанра³¹ и выразительных средств³² летописей и хроник), текстологический (работа с разными списками³³ или изводами³⁴ одного произведения)

³¹ Сухомлинов М.И. О древней русской летописи как памятнике литературном // Исследования по древней русской литературе акад. М.И. Сухомлинова. Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб: Типография М.А. Александрова, 1908. Т. 85. № 1. С. 1-247.

³² Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. – 360 с.

³³ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб: Типография М.А. Александрова, 1908. – 686 с.

³⁴ Гимон Т.В. Редактирование летописей в XIII-XV вв.: разночтения между списками Новгородской 1 летописи // ТОДРЛ. 2006. Т. 57. С. 112-125.

и герменевтический методы (реконструкция замысла книжников³⁵). Ко вторым можно отнести методы истории ментальностей (анализ биографических и экспрессивно-эмоциональных высказываний книжников³⁶) и истории повседневности (изучение высказываний книжников в повседневном контексте³⁷). При изучении единичных явлений привлекался сопоставительный метод³⁸ с целью обнаружения генетических или типологических сходств изучаемых форм авторского присутствия.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Установлена корреляция между количеством высказываний книжников от первого лица и жанром исторического повествования (чем чаще упоминались даты и хронологические формулы, тем реже книжники высказывались «от себя»).
2. Большое число высказываний книжников от первого лица в общерусском летописании по сравнению с местными памятниками связано с более сильным анналистическим характером последних.
3. Показана обусловленность содержания авторских экспликаций социальным статусом книжника (монах, настоятель собора, городской житель, лицо, приближенное к князю). Это позволило расширить представления о попытках раскрытия книжником своего внутреннего мира и об элементах рефлексии своего труда.
4. Разнообразие выразительных средств или использование цитат и топосов говорит не только о степени образованности и кругозоре книжника, но и об уровне развития книжной культуры в данный период времени.

³⁵ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.

³⁶ Шенкао М.А. Изучение ментальностей во французской школе «Анналов» // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 1. С. 60-72.

³⁷ Борисов Н.С. Повседневная жизнь средневековой Руси накануне конца света: Россия в 1492 году от Рождества Христова или в 7000 году от Сотворения мира. М.: Молодая гвардия, 2004. – 529 с.

³⁸ Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М.: Прогресс, 1979. – 317 с.; Жирмунский В.М. Средневековые литературы как предмет сравнительного литературоведения // Сравнительное литературоведение: Восток и запад. М.: Наука, 1979. С. 158-173.

5. Уровень развития книжной культуры обуславливает круг используемых книжниками источников: при более длительном развитии книжности сокращается использование в историческом повествовании сведений, содержащихся в других источниках, а также устных сообщений и отсылок к библейскому тексту.
6. Расширен круг высказываний книжников, которые можно рассматривать как первые попытки раскрытия их внутреннего мира (помимо некрологических похвал ими являются разнообразные сочетания авторских проявлений).
7. Показано, что с конца XIII в. наблюдается уменьшение числа форм авторского присутствия в древнерусских летописях, что в значительной степени обусловлено работой переписчиков (сообщения книжников о себе или высказывания от первого лица могли опускаться, а риторические фигуры в ряде случаев заменяться эмоционально нейтральными высказываниями).
8. На основе повторяемости или обращения к непосредственному опыту проведено различие между устойчивыми выражениями (топосами) и авторскими экспликациями (упоминаниями о событиях своей жизни, эмоциональными высказываниями, сопоставлениями действий людей с повадками животных).
9. Обнаружен ряд типологических сходств и отличий древнерусских летописей и западнославянских хроник. К сходствам относятся способы самопрезентации книжников, упоминаемые ими ситуации и используемые при этом образы, а к отличиям – выбор способа изложения материала (повествование или рассуждение, описание события в символическом ключе или как реально происходившего).
10. Различное употребление в летописях и хрониках генетически общих библейских образов обусловлено жанром и задачами составления памятника (стремление книжника к документально точно передаче или к интерпретации описываемых событий).

Достоверность результатов обеспечивается большим объемом исследуемого материала, широкой теоретической базой, последовательной аргументацией и использованием различных методологических инструментов истории литературы, теории литературы, текстологии, герменевтики, истории ментальностей.

Апробация. Результаты диссертационного исследования отражены в 6 публикациях (5 из которых осуществлены в изданиях, определенных Положением о присуждении ученых степеней в МГУ им. М.В. Ломоносова). Материалы работы были апробированы на 6 научных конференциях: VIII, IX и X Международных конференциях молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс» (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 2019, 2020 и 2021 гг.); III и V Международных конференциях молодых ученых «Пространство и время в русской литературе и философии» (ИМЛИ РАН, Москва, 2020 и 2022 гг.); II Международном филологическом коллегииуме «Слово и общество» (университет «Епископ Константин Преславски», Шумен, 2020 г.). Данное исследование прошло апробацию при защите научно-квалификационной работы на кафедре истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Структура исследования. Диссертация объемом 242 страницы состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии из 255 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Диссертация построена по проблемно-тематическому принципу: в ней последовательно рассматриваются основные аспекты и методы изучения средневекового авторства, прямые сообщения книжников о себе или своем труде (высказывания от первого лица), косвенные свидетельства об историописателях (риторические и выразительные средства, эмотивные и оценочные высказывания, сравнения и эпитеты), а также их сочетания. Этот принцип отражен в делении работы на главы.

Во **введении** даны общая характеристика и актуальность исследования, изложены цели и задачи, охарактеризованы источники и структура работы.

Глава 1. Теоретико-методологические основы изучения категории автора в средневековых памятниках

В §1.1 «История изучения» рассмотрены основные аспекты изучения авторства средневековых памятников на протяжении XIX – XXI вв. Одними из первых были работы, в которых предпринимались попытки реконструировать биографию летописцев (А.Л. Шлецер, Д.И. Прозоровский). Эти попытки позволили воссоздать основные события жизненного пути книжников и показали невозможность составления их биографий по причине недостаточности содержащихся в источниках сведений. На следующем этапе исследователи обратились к изучению художественной стороны летописей (М.И. Сухомлинов), их европейских параллелей (В.С. Иконников), сопоставлению разных списков (А.А. Шахматов) и попытались дать историко-литературную оценку труда их авторов (М.Д. Приселков). Эти работы заложили основы изучению поэтики и типологии летописных текстов, которые получили развитие в последующее время.

Начиная с середины XX в. исследователи стремились воссоздать систему выразительных средств древнерусских книжников как отражение их художественного мышления (В.П. Адрианова-Перетц, Д.С. Лихачев, И.П. Еремин), что остается актуальным и в начале XXI в. (А.А. Пауткин, А.А. Шайкин, Н.В. Трофимова). Работы о принципах работы книжников позволили выявить некоторые знаки «авторского самоконтроля» (И.П. Еремин), особенности употребления топосов (О.В. Творогов) и наличие у них авторской интенции (А.Л. Юрганов), изучить подборки цитат (Д.М. Буланин) и вносимые в летописный текст изменения (Т.В. Гимон).

В результате изучения картины мира средневековых авторов были сделаны выводы о символичности их взгляда на мир (А.Я. Гуревич), рефлексивной функции исторического сознания (М.А. Барг), «конкретно-

историческом своеобразии» сознания древнерусского книжника (А.Л. Юрганов). Эти исследования во многом подготовили появление работ, посвященных авторскому самосознанию (Е.Л. Конявская) и авторским проявлениям древнерусских летописцев (О.В. Иванайнен). На них в значительной степени основывается и настоящее исследование.

В §1.2 «Методология» охарактеризованы используемые в работе подходы к изучению средневековых историографических памятников. Историко-литературный метод предполагает изучение различных контекстов (социального, идеологического, религиозного) и литературных форм произведения (жанров, композиционных приемов, выразительных средств). Текстологический метод подразумевает выявление разночтений, которые могут свидетельствовать о последовательности авторской или редакторской работы над текстом. Герменевтический метод заключается в реконструкции современным исследователем того смысла, который вкладывал в свой текст средневековый книжник. Методы новой исторической науки предполагают внимание к речевым автоматизмам, оговоркам, бытовым высказываниям, которые характеризуют автора и его социальное окружение.

Глава 2. Высказывания от первого лица

Основной формальной категорией, свидетельствующей о формах авторского присутствия в историографических памятниках, являются высказывания книжников от первого лица. Несмотря на традиционный характер средневековой книжной культуры, не способствовавшей проявлению индивидуально-авторского начала в тексте, они оказываются ценными свидетельствами о летописцах, окружавших их людях и происходивших с ними событиях. В зависимости от своего содержания высказывания книжников от первого лица разделены нами на несколько групп: «биографические» сообщения о себе, упоминания устных или письменных источников, элементы нарративной структуры летописи

или хроники, средства проявления эмоции или выражения оценки, а также свидетельства об элементах самосознания человека своего времени.

В §2.1 «Упоминания книжников о себе» рассмотрены случаи, когда летописцы называли свое имя или упоминали свой статус. В основном тексте древнерусских летописей такие упоминания немногочисленны (НПЛ: «**мнѣ грѣшному Тимофѣю понамарю**»). Чаще летописцы сообщали свое имя по окончании труда (как в случае двух широко известных приписок игумена Сильвестра и монаха Лаврентия). Указанное различие объясняется социальным статусом книжника: свое имя называли представители черного духовенства, а городские клирики о себе в летописи, как правило, не упоминали. Это связано с характером работы новгородских летописцев, которые изначально писали фрагмент свода и могли понимать, что их последователь напишет следующую часть текста, также не претендующую на смысловую завершенность. Высказанное предположение подтверждает форма подобных сообщений: монах и игумен называли свое имя и статус в приписке по окончании своего труда (т.е. в «этикетной» части текста), используя необходимые в подобных случаях просьбы о снисхождении и о молитвенной помощи. Такие авторские проявления соотносились с нормами средневековой книжной культуры, поэтому не были сокращены в последующий период и сохранились до нашего времени. В связи с этим показательное отсутствие упоминания имени пономаря Тимофея в младшем изводе НПЛ, который является результатом труда позднейших переписчиков.

Привлечение западнославянских хроник показало, что сообщения книжников о своей жизни являются особенностью не только древнерусских летописей. В ЧХ присутствуют сообщения Козьмы Пражского об учебе в школе Льежа и об участии в посольстве к князю Оттону, которые соотносятся с высказываниями киевского летописца о жизни в Печерском монастыре во время нападения половцев на Киев в 1096 году («**намъ сущимъ по кѣльгамъ почивающимъ**»). Другим общим для ЧХ и ПВЛ примером является упоминание книжниками своего возраста (киевский книжник пришел в Печерский монастырь в 17 лет, а Козьма Пражский в

одной из последних записей говорит, что ему 80 лет). Однако если летописцы сообщали о себе в первом лице, то хронист высказывался и в третьем лице (первую книгу ЧХ «составил декан Пражской церкви Козьма»). Это подчеркивает его стремление приуменьшить свой вклад, подчеркнуть свою малость. В ХГА именование себя «изгнанником и пришельцем» является единственным источником информации об авторе первой польской хроники. Вероятно, положение иноземца при дворе польского правителя обусловило отсутствие биографических сообщений Галла Анонима о себе. Таким образом, сообщения книжников о себе или о событиях своей жизни типологически сходны в памятниках разных историографических традиций, которые создавались представителями своего народа.

§2.2 «Источники повествования» посвящен обмолвкам, допущенным летописцами при сообщении об источниках повествования. В летописях высказывания от первого лица присутствуют при упоминании очевидцев, устных или письменных источников. Так в ПВЛ в погодных статьях второй половины XI в. трижды встречаются упоминания книжников о себе как об очевидцах. Их цель – подчеркнуть достоверность описываемых событий в глазах читателя («не слухомъ бо слышавъ но самъ в собѣ началникъ»). В местных памятниках сообщения очевидцев содержат информацию о «повседневном облике» летописцев. Благодаря им мы знаем, что владимирский летописец присутствовал на интронизации епископа Митрофана, а новгородские книжники неоднократно во время богослужения или в повседневной жизни были свидетелями впечатлявших их погодных явлений (затмений, молнии, грома). В погодных статьях XII-XIII вв. упоминания о том, что книжники что-то видели, встречаются реже и переосмысливаются. Так в КЛ включена летописная похвала Рюрику Ростиславичу по случаю строительства стены, препятствующей разрушению храма Выдубицкого монастыря (многие «желаше видити гаже мѣ видихомъ»). В этом примере ощущается влияние риторической традиции, для которой созерцание события важно не как свидетельство очевидца, а как повод для хвалебных слов.

Изучение западнославянских хроник позволяет рассматривать высказывания книжников об устных и письменных источниках как типологически общий момент. Так киевский книжник и Козьма Пражский называют имена некоторых «информантов» (ПВЛ упоминает Гюряту Новгородца и Яна Вышатича, а ЧХ – клирика Деокара), а также сообщают о письменном источнике при первой датировке (в ПВЛ читаем: «**ѡ семъ бо оувѣдахомъ**» из греческой Хроники Георгия Амартола, а в ЧХ: «я не нашёл хроники», описывающей события до первого христианского князя Борживоя). Однако ряд высказываний хрониста свидетельствует о большей «специализации» его труда. К ним относится обоснование структурного деления хроники на книги в зависимости от того, был ли очевидцем описываемых событий сам Козьма. Его отсылки читателя к другим источникам подтверждают осознание того, о чем в каком памятнике следовало сообщать («не пристало уж мне, что сказано, вновь повторять»). Напротив, древнерусские летописцы включали в летопись сообщения разных источников (летопись как «жанр-ансамбль»), полагая, что так известия лучше сохраняются. Это связано с разным бытованием историографических памятников восточно- и западнославянской традиции (создание текстов определенных жанров или включение сведений в состав свода).

В §2.3 «Принципы работы книжников» проанализированы элементы нарративной структуры («зачины», «заклучения» и «связки»), содержащие высказывания книжников от первого лица. Примером «зачина» является начальная фраза летописца, предваряющая в ПВЛ повествование обо всей Русской земле, которая в местном памятнике переосмысливается (ГЛ: «**скажемъ ... ѡ начатъи Галича ѿкоудоу сѧ почалъ**»). Авторское присутствие проявляется в вариативности некоторых связок («**мы на предлежащее възъвратимсѧ**»), а также в высказываниях книжника, отсылающих к другому фрагменту текста («**тако же ркохомъ**»). Обращает на себя внимание почти полное отсутствие последних в НПЛ, что обусловлено особенностью составления этого памятника (известно, что в Новгороде смена правящего архиерея в большинстве случаев сопровождалась сменой писца). Некоторые

из «заклучений» связывают завершение фрагмента со смертью князя (ВЛ: «**тоутож положим конец Вѣлодимеровоу княженію**»). Приведенная особенность, а также краткие «зачины» («**повѣмь мало нѣчто**») и традиционные «связки» находят соответствия в рассматриваемых хрониках. Это является примером типологического сходства и подтверждает общность форм историописания у восточных и западных славян на начальных этапах своего развития.

Одним из результатов настоящей работы явилось установление в тексте Ипатьевской летописи следующей корреляции: чем чаще книжники упоминали о времени событий, тем реже высказывались от первого лица. Общее число хронологических формул в ПВЛ и КЛ составляет 28 и 171, тогда как количество высказываний летописцев от первого лица равно 135 и 41. Сходным образом объясняется большее количество «связок» в ХГА по сравнению с ЧХ: если Козьма Пражский использовал погодную сетку как основной композиционный прием, то у Галла полностью отсутствуют даты, и он был вынужден связывать фрагменты текста собственными высказываниями. Представляется, что отмеченная закономерность обусловлена такой жанровой особенностью, как проявление в памятнике анналистического начала (т.е. наличием большого числа кратких сообщений, слабо связанных друг с другом). В КЛ число кратких погодных известий по сравнению с ПВЛ возрастает, что проявляется в ослаблении дидактизма летописи и в более редких высказываниях книжников от первого лица.

Авторские экспликации, представленные в **§2.4 «Выражение эмоциональности и оценки»**, часто обусловлены традиционным характером христианской книжной культуры, предписывающей употребление цитат и устойчивых выражений. Это затрудняет их отнесение к формам присутствия автора, однако частотность, отбор и место в тексте свидетельствуют о сознательной работе книжника, т.е. о проявлении в них авторской интенции. О создателях летописей и хроник свидетельствуют сообщения о переживаемых им эмоциях по случаю некоторого события. В ПВЛ таким примером является повествование о перенесении мощей

Феодосия Печерского, в котором летописец упоминает о своем эмоциональном состоянии («вѣтрѣдѣсѣ ... начахъ тѣжити ... начахъ рамѣно копати ... вѣдѣржашет мѣ ѹжасть начахъ звати»). Такие высказывания летописца подчинены цели излагаемого фрагмента и усиливают чудесный характер обретения мощей Феодосия Печерского. В ЧХ эмоции также представлены единичными примерами (как в случае сообщения о смерти слуги сына хрониста Бертольда: «слезы мешают писать, и как изложить я сумею»). Однако в хрониках описания эмоций носят, скорее, этикетный характер (в ЧХ подобные высказывания присутствуют в предисловии к первой книге хроники, а в ХГА имеют устойчивую структуру). Одной из причин небольшого числа эмотивных высказываний хронистов от первого лица является осознание того, что их труд будет прочитан церковными иерархами, имена которых приводятся в предисловиях к книгам хроник.

Оценочные высказывания летописцев от первого лица позволяют получить представление об их системе оценок, которая в общерусском летописании обусловлена стремлением рассказать историю всей Русской земли и осудить междоусобные конфликты. Наиболее отчетливо этот аспект проявляется в ПВЛ, в которой книжники неоднократно призывали последовать положительному примеру («и мы поревнѣмъ братье»). В отличие от летописей, авторы хроник предлагают положительную (и несколько идеализированную) картину только в начальной части повествования, а в последующем тексте их оценки становятся противоречивыми (ХГА: «Не будем оправдывать изменника-епископа, но не похвалим также и короля»). Подобное расширение диапазона оценок наблюдается в местном летописании Древней Руси, в котором ослаблен пафос общерусского повествования. Так в южнорусских памятниках после описания события летописцы могли добавить отрицательное оценочное высказывание «от себя» (ВЛ: «вопсалъ есмь в лѣтописѣць коромолоу ихъ»). В НПЛ оценочных высказываний от первого лица меньше, что позволяет говорить о «минус-позиции» летописцев в этом случае. Сделанные

наблюдения указывают как на постепенное расширение круга оцениваемых объектов, так и на уменьшение оценочных высказываний книжников от первого лица.

В §2.5 «Проблема самосознания книжников» проанализированы экспликации от первого лица, которые позволяют судить об изменении религиозного и социального аспектов самосознания летописцев на протяжении XI-XIII вв. В начальной части ПВЛ летописцам важно было осознать себя и свой народ в окружавшем их мире, поэтому они противопоставляли христиан и язычников («мы же хрстітѣанѣ») и добавляли в летопись обращения к первым русским святым Борису и Глебу («мы долъжни єсμε хранити достоинно»). Аналогичные высказывания присутствуют в рассматриваемых хрониках: Галл объясняет рождение Болеслава III Кривоустого молитвами святого Эгидия, а Козьма Пражский выражает уверенность в благополучной посмертной участи убитого на охоте князя Бржетислава (в обоих случаях присутствует фраза «мы верим»). Другим примером проявления религиозного сознания является вставка в ПВЛ из Поучения о казнях Божиих. Изначально она обнаруживает текстуальное сходство со словами Ярослава Владимировича (1024 год), а в погодной статье 1068 года в этой вставке появляются глаголы в форме первого лица, число которых в статье 1093 года увеличивается («нехоженъє поганыхъ мѹчними влдкѹ познаемъ єгоже мы прогнѣвахомъ прославлени бывше не почтохомъ встѣившесѣ не разумѣхомъ куплени бывше не поравотахомъ породившесѣ не тако шѣа постыдихомсѣ согрѣшихомъ ꙗ казнимы єсмы такоже согришихомъ тако и стражемъ»). В последующем летописании число глаголов в форме первого лица уменьшается (в погодной статье 1110 года они заменены историческим примером – сообщением о походах Александра Македонского), что является следствием сознательной правки текста. Наши наблюдения подтверждают ориентацию летописцев не только на библейские тексты, но и на другие источники, среди которых было и предшествующее летописание. В местных памятниках религиозное сознание книжников отразилось в использовании самоуничижительных

выражений. Так, в приписке монаха Лаврентия упоминается незрелость автора («умъ молодъ не дошелъ»), что обнаруживает сходство со словами Галла Анонима о себе («ребенок, обладающий малым разумом»). Сделанные наблюдения указывают на типологическое сходство повествовательной манеры книжников разных историографических традиций и говорят о формировании у них элементов рефлексии по поводу своего труда.

Проявлением социального аспекта самосознания летописцев являются высказывания от первого лица, характерные для определенной социальной группы. В общерусском летописании книжники относили себя ко всему народу («Ѡ негоже языка и мы есме Русь»). В этом случае высказывание «от себя» имело своей целью подчеркнуть общность племен, говорящих на одном языке. Напротив, в НПЛ летописцы неоднократно употребляли выражения бытового характера, такие как частые сообщения о погодных условиях или ценах, причем в форме как первого («купляхомъ»), так и третьего лица («купляхуть»). Подобные экспликации позволяют сделать вывод об осознании новгородскими книжниками своей причастности к повседневной жизни средневекового города, что нетипично для других летописных центров Древней Руси. Начиная со второй половины XIII в. такие высказывания встречаются в НПЛ существенно реже. Это позволяет заключить, что развитие самосознания книжников постепенно привело к уменьшению числа авторских проявлений в создаваемых ими текстах, что объясняется как внутренними установками (мировоззрением) летописцев, так и внешними факторами (деятельностью переписчиков).

Глава 3. Проявления субъективности

Помимо «прямых» форм авторского присутствия (высказываний от первого лица) в летописях и хрониках есть «косвенные» авторские проявления. Чтобы интерпретировать их как авторские экспликации, необходимо выявить случаи, когда в них проявляется субъективное начало (и определить, чем оно вызвано). В третьей главе рассматриваются

некоторые риторические фигуры (вопросы и восклицания), эмотивные и оценочные высказывания, выразительные средства (сравнения, эпитеты) в летописях и хрониках как проявления целевых установок их авторов.

В §3.1 «Риторические вопросы и восклицания» показано, что в летописании они могут быть как цитатами, так и оригинальными высказываниями и имеют своей целью обратить внимание читателя на важный в понимании книжника момент повествования. Так в ПВЛ риторические вопросы употребляются с целью истолковать описываемые события в духе христианского провиденциализма («кто оубо что рчтъ ѡ творѡщиѡхъ волшеѡвныѡхъ дѣлъ»). В отличие от летописей, в хрониках риторические вопросы выполняют несколько иные функции: в ХГА они прославляют деяния польских правителей, а в ЧХ – соединяют разные фрагменты хроники («что же дальше?») или объясняют отказ автора от подробного изложения событий («зачем говорить об этом много?»). Приведенные суждения подтверждают скорее ориентацию хронистов на риторическую традицию, чем их стремление выразить посредством риторических вопросов свое отношение. Большое количество риторических вопросов в ЧХ (32) и ХГА (28) по сравнению с ПВЛ (16) указывает на то, что декан Пражского капитула и иноземный польский хронист были лучше знакомы с риторическими фигурами, чем древнерусские книжники. Это является следствием большей специализации их труда и обусловлено продолжительной книжной традицией в западнославянских землях. В местном летописании южной и северо-восточной Руси тенденция объяснить смысл событий с помощью риторических вопросов, которые являются цитатами, сохраняется. В отличие от этих памятников, в тексте НПЛ риторические вопросы не являются цитатами и относятся к конкретной ситуации («кто не просльзитъся о сѣмъ»). Наши наблюдения позволяют сделать вывод о различных задачах использования риторических вопросов историографами разных культурных центров Восточной Европы.

С помощью риторических восклицаний древнерусские летописцы стремились обратить внимание читателя на категории христианской морали

или объяснить смысл происходящего. Так в ПВЛ они являются не только цитатами, которые в контексте конкретных исторических событий наделялись новым смыслом, но и оригинальными высказываниями («не добро есть преступати придѣла чюжаго»). Подобный выбор объектов оценки объясняется тем, что древнерусские летописцы (за исключением Новгорода) были монахами, поэтому моральный аспект постоянно находился в фокусе их внимания. Выражение непосредственной реакции книжников с использованием риторических восклицаний является типологически общим моментом в ПВЛ и ЧХ, на что указывает их употребление Козьмой Пращским внутри фразы («о, позорное деяние!»). Другой особенностью риторических восклицаний в хрониках является большее разнообразие их форм (двухчастные конструкции, сочетания со сравнением или гиперболой). В риторических восклицаниях местных памятников южной и северо-восточной Руси происходит некоторое усиление влияния агиографического жанра (СЛ: «**О ѹмиленое видѣнье и слезъ достойно**»). Несколько иная ситуация в НПЛ, где риторические восклицания относятся к событиям повседневной жизни, а также нередко содержат количественную характеристику или оценку («**О, велика скървь ... и нѹжа**»). Это обусловлено социальным положением новгородских книжников, которые в большинстве случаев были клириками (мирянами), поэтому старались в своем повествовании отразить проишествия, важные для жизни средневекового города. Случаи замены риторического восклицания эмоционально нейтральным высказыванием в младшем изводе НПЛ являются примером сознательной редакторской правки и подтверждают стремление переписчиков уменьшить число субъективных проявлений с целью выдержать летописный текст в едином, менее эмоциональном стиле.

В §3.2 «**Эмотивные и оценочные высказывания**» выявлен ряд экспликаций, которые помогают лучше понять отношение книжников к описываемым лицам и событиям. Таковыми являются эмотивные выражения (оценки первого уровня) и собственно оценочные фразы (оценки второго уровня). Появление эмотивного компонента в летописях

соответствовало традиции и имело своей целью воздействовать на читателя для убеждения в справедливости точки зрения книжника. В памятниках рубежа XI-XII вв. сильнее выражен первый аспект. Так, в ПВЛ сообщения о смерти правителей книжники нередко завершали традиционной формулой («плач великъ»). В ЧХ эмотивные высказывания преимущественно имеют этикетный характер, а Галл Аноним описаниям эмоций предпочитает использование выразительных средств (в частности сравнений и эпитетов). Это является следствием иной традиции и среды бытования хроник, в которой книжники были хорошо знакомы с произведениями книжной культуры. В местном летописании количество эмотивных высказываний увеличивается, и они становятся более разнообразными. Так, текст СЛ помимо эмотивных топосов содержит более двух десятков упоминаний эмоциональных состояний, большинство из которых не являются устойчивыми выражениями. Значительная их часть читается в повествовании о нашествии Батыя на Русь и обусловлена стремлением летописца наглядно и образно описать это событие.

В общерусском летописании наше внимание привлёк выбор книжниками объекта оценок, к которым относятся не только поступки, но и помыслы человека, а также описания смысла битв и солнечных затмений в символическом ключе. Оригинальные высказывания книжников чаще встречаются при выражении отрицательной оценки (в ПВЛ убийцы Бориса и Глеба названы детьми сатаны, а бес наделен польскими чертами). В местном летописании объекты оценки становятся более разнообразными, что объясняется изменением масштаба историописания и увеличением числа затрагиваемых тем. Так, в СЛ отрицательно оценивается епископ Леон, который занял архиерейскую кафедру в Суздале «не по правдѣ». Подобное осознание летописцем своей принадлежности к противникам церковного иерарха не было возможным в общерусском летописании. Различие в целевых установках восточно- и западнославянских книжников проявилось в смысловых акцентах оценочных высказываний. Если летописцы обращают внимание на христианские добродетели (или их отсутствие), то авторы

хроник – на качества князя как государственного деятеля. Особенно сильно этот аспект проявляется в ХГА, тогда как в ПВЛ подобным образом изображен Святослав и половецкие князья (т.е. языческие правители), а после принятия христианства неизменным атрибутом воинских подвигов князей является помощь Бога или святых. Общей для местных летописей и ХГА особенностью являются случаи выражения книжниками противоречивой оценки, что обусловлено приближенностью книжника к княжескому двору. Результаты нашей работы подтверждают типологически общий характер ряда оценочных высказываний в летописях и хрониках.

Высказывания, приведенные в §3.3 «Сравнения и эпитеты как авторские экспликации», демонстрируют наличие похожих объектов сравнения, которые книжники разных традиций использовали независимо друг от друга (образы небесных светил, ситуации из личного опыта). Они присутствуют в развернутых безобразных сравнениях, которые указывают на знакомство книжников с проведением охоты (ПВЛ: Боняк «свиша Оугры в мдчь гак соколъ галицѣ звиваетъ», ХГА: Святополк «как дикий вепрь, ... ранит всех повсюду острыми клыками, ... пока запыхавшийся охотник не прибежит с новой сворой собак»). Отнесенность таких сравнений к конкретной жизненной ситуации позволяет трактовать их как типологически сходные авторские проявления. Различия в употреблении образных сравнений проявляются в более частых сопоставлениях князя с отцом или пастырем в хрониках (особенно в ХГА) по сравнению с летописями. Такой выбор обусловлен стремлением польского историографа прославить конкретного правителя, деяниям которого посвящен его труд.

При рассмотрении эпитетов наше внимание привлекли случаи видоизменения устойчивых выражений, которые характеризуют объект в его восприятии книжником. В общерусском летописании сочетания «объект + эпитет» варьируются слабо, однако в местном летописании наблюдается частое изменение этой структуры, причем в основном не эпитета, а оцениваемого объекта. Если в ПВЛ оценивался преимущественно князь или представитель церкви, то в дальнейшем круг лиц расширяется: в СЛ

упоминаются братья «**благочыныа**», боярин Станислав Тудкович «**добрыи**», Мария Всеволожая «**бъше до всѣхъ презлиха добра**», клирос «**пресвѣтлый**», а в ВЛ – даже неодушевленный объект («**милое место**»). Напротив, в хрониках чаще варьируются эпитеты, особенно в отношении главных персонажей повествования. Так Галл Аноним весьма разнообразно характеризует воинские качества Болеслава III (он «**бесстрашный**», «**воинственный**», «**мужественный**», «**доблестный**», «**неутомимый**»). Подобное расширение круга эпитетов позволяет судить о «**кругозоре**» книжников, о понимании того, что из повседневной жизни попадало в сферу их внимания и подлежало включению в историческое повествование.

Глава 4. Сочетания авторских проявлений

Рассмотренные в главе 3 авторские экспликации в летописях и хрониках имеют вид не только отдельных высказываний, но и их комбинаций. Такие сочетания представляют собой более сложный случай авторского присутствия, поскольку являются примером сознательного выделения книжником фрагмента текста, т.е. свидетельствуют об авторской интенции. В четвертой главе диссертации рассмотрены основные примеры подобных комбинаций, к которым относятся сочетания риторических фигур (вопросов и восклицаний), эмотивных и оценочных суждений, а также выразительных средств (сравнений и эпитетов).

В §4.1 «**Сочетания риторических фигур**» анализируются случаи использования летописцами нескольких риторических вопросов и восклицаний. Для ПВЛ характерны сочетания заимствованных (преимущественно библейских) и оригинальных фигур. Так, в упоминавшейся вставке из Поучения о казнях Божьих после использования ветхозаветного текста [Мал 3:5-14] следуют риторические вопросы самого летописца («**доколѣ не насытитесь злобѣ вашихъ ... почто не здерьзастесь въ грѣсѣхъ вашихъ ... се бо не поганьски живемь ... то не поганьскии ли есть се**»). Основная тема подобного сочетания – осуждение междоусобных

войн. В местном летописании сочетания риторических фигур встречаются эпизодически и также отсылают читателя к библейским текстам (СЛ: «**что бо прія Кайнъ отъ Бога, ꙗвивъ Авеля брата своего не проклятъе ли и осꙋждение и трясение или Ламехъ не казнь ли злобѣ**»). Привлечение хроник позволяет рассматривать дидактизм как особенность древнерусского летописания, поскольку в ЧХ и ХГА сочетания риторических вопросов и восклицаний выполняют другие функции. В труде Козьмы Пращского они могут представлять собой самостоятельное авторское рассуждение без учительной цели («О, Муза! ... зачем же ты опять призываешь меня, старика? Зачем ты возбуждаешь мою отупевшую мысль?»). В повествовании Галла сочетания риторических фигур используются преимущественно для прославления деяний польских правителей, что обусловлено жанровой природой памятника (*res gestae*). Такие примеры нехарактерны для древнерусского летописания и свидетельствуют о большей «специализации» труда хронистов по сравнению с летописцами.

В §4.2 «Сочетания эмотивных высказываний» показано, что их присутствие во фрагментах фольклорного происхождения начальной части ПВЛ и хроник является примером типологического сходства (ПВЛ: белгородские старейшины «**ради и вѣщахасѧ послушати ... Печенѣзи же радѣ бывше ... и оꙋдивишасѧ**»; ЧХ: Чех, «тронутый словами друзей, стал целовать землю, обрадованный тем, что страна названа его именем»). Это подчеркивает эмоциональное восприятие книжниками далеко отстоящих от них во времени событий. В последующем повествовании подобные комбинации являются средством изображения особо значимых для историописателей событий (прославление святых или деяний князя, значимое для всего государства событие). В местном южнорусском летописании сочетания эмотивных высказываний становятся более разнообразными, при этом некоторые из них построены по одной модели, что указывает на использование летописцами предшествующего текста (КЛ: Изяслав пришел в Киев «**с великою радостью и с великою чѣстью ... и пребѣша оꙋ велицѣ любви и оꙋ велицѣ весельи ... и то слышавъ**

Ростиславъ шрадоваѡ велми»). Сходная ситуация наблюдается и в летописании северо-восточной и северо-западной Руси, в котором присутствуют эмоциональное описание нашествия татар (СЛ) и противопоставление эмотивных высказываний (НПЛ).

В §4.3 «Сочетания оценочных высказываний» рассмотрены оценочные рассуждения книжников. В ПВЛ преобладают сочетания, в которых один из компонентов отсылает к Библии («**Стѡполкъ же исполниѡ безаконна Каиновъ смыслъ примѡтъ**»). В местном летописании сочетания оценочных высказываний обнаруживают региональные различия. Часто они представляют собой комбинацию из трех или четырех устойчивых выражений, одним из которых является отсылка к местному почитаемому образу или святому. Так в КЛ упоминается образ Архистратига Михаила, в СЛ – Владимирской Богоматери, в НПЛ – святой Софии. Это свидетельствует об осознании книжниками своей принадлежности к определенному культурному центру Древней Руси и о стремлении заложить основы новой традиции. Другой особенностью летописания являются противопоставления положительных и отрицательных оценочных высказываний. В местных летописях они встречаются чаще, чем в ПВЛ, а в Новгороде относятся и к событиям повседневной жизни (при пожаре «**богъ и добри люди ѡяша, а злии человекѣци падоша на грабежи**»). Подобные противопоставления помогали летописцам более наглядно и лаконично выражать свою оценку. Отнесенность приведенных высказываний к конкретным событиям древнерусской истории и вариативность в разных памятниках позволяет рассматривать сочетания оценочных суждений как авторские проявления.

В §4.4 «Сочетания сравнений» приведены примеры использования нескольких сравнений в одном повествовательном фрагменте. В ПВЛ они сочетаются с агиографическими мотивами (как в похвальных словах княгине Ольге или Борису и Глебу) и имеют своей целью подчеркнуть положительный пример, ориентир для читателя. В отличие от общерусского летописания, в хрониках комбинации сравнений встречаются главным

образом для прославления деяний правителя (что подтверждает развернутое сопоставление Болеслава III с Ганнибалом в ХГА). В местном летописании сочетания сравнений встречаются не с дидактической, а с изобразительной целью, что указывает на эволюцию выразительных средств и задач их использования летописцем (СЛ: «**знаменьє въ солнци, ... яко зелено бяше, и въ солнци үчинися яко мєсяць, изъ рогъ єго яко үгль жаровъ исхожашє**»). В ГЛ книжники использовали несколько безобразных сравнений для характеристик воинских качеств князя («**оүстрємил бо сд ... тако и лєвъ сердитъ же бѣсѣ тако и рѣсь и гоүбашє тако и коркодиль и прєхожашє землю ихъ дко и шрєлѣ хрєборъ бо бѣ тако и тоүръ**»). Это обнаруживает сходство с образами, использованными Козьмой Пражским (леопарда, льва, тигра). Хотя прямое заимствование галицкими летописцами материала ЧХ не представляется возможным, влияние в этом случае латинской традиции полностью исключать нельзя. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что в летописях северо-восточной и северо-западной Руси подобные сочетания сравнений отсутствуют.

В §4.5 «Сочетания эпитетов» показано, что традиционной формой характеристики князя в общерусском летописании является краткая некрологическая похвала. В ПВЛ она имеет устойчивую структуру, содержит описание качеств и нередко внешнего облика умершего правителя (Мстислав «**бѣ ... дєвелѣ тѣломъ черьномъ лицємъ великома шчима хрєбръ на рати и млстѣ**»). Напротив, хронисты использовали сочетания эпитетов для описания качеств князя или его приближенных еще при жизни. В хрониках сочетания эпитетов не всегда выполняли панегирическую функцию (ЧХ: моравский князь Святополк «родом ... был знатен, но по натуре жесток; воин был храбрый, но по душе хитрый»), а сама похвала сильно варьируется по форме (в ХГА прославление Болеслава I Храброго заканчивается «печальной надгробной песней»). Это позволяет заключить, что краткая некрологическая похвала на рубеже XI-XII вв. является особенностью древнерусской историографии. В местном летописании похвальные слова реже содержат сочетания эпитетов,

не отличаются устойчивой структурой и используются, в том числе, для прижизненной характеристики. Подобные сочетания описывают как положительные, так и отрицательные качества, причем не только князя, но и церковного иерарха (СЛ: «злаго и пронырливаго и гордаго лестьца, лжаго владыкѹ Феодорца»). Такие примеры подтверждают переосмысление древнерусскими книжниками способов изображения человека в летописи.

Изучение авторских экспликаций позволяет получить важную информацию об авторах средневековых летописей и хроник, их социальном окружении, мировоззрении и методах работы, которая часто ускользает от внимания исследователей. В **заключении** представлены основные выводы, к которым удалось прийти в ходе диссертационного исследования.

Была установлена корреляция между количеством высказываний книжников от первого лица и задачами составления памятника. Более частые высказывания «от себя» в памятнике общерусского летописания обусловлены необходимостью подчеркнуть достоверность описываемых событий, а также стремлением предложить их трактовку. При переходе от общерусского летописания к местному эти задачи утрачивают свое приоритетное значение, и количество авторских экспликаций уменьшается. Наглядно это проявляется в соотношении количества высказываний от первого лица и числа упоминаний о времени, свидетельствующем о проявлении анналистического начала в летописи. Этот вывод подтверждают наблюдения над западнославянскими хрониками: если ориентация на точное изложение событий требовала использования погодной сетки как основного композиционного приема текста (ЧХ), то стремление к их интерпретации привело к отказу от дат и, следовательно, к большему числу высказываний хрониста от первого лица (ХГА). Результатом явилось более выраженное присутствие автора в историографическом тексте.

Привлечение западнославянских хроник позволило установить ряд типологически сходных форм авторского присутствия. К сходствам относятся способы организации нарратива (последовательное изложение

событий, прерываемое рассуждениями книжника), а также попытки использовать в повествовании свой жизненный опыт. Это проявилось в упоминании о событиях своей жизни, в выборе эмотивных и оценочных высказываний и выразительных средств (сравнений, эпитетов). Среди типологических различий следует отметить функции риторических вопросов и восклицаний в историческом повествовании, а также выбор способа изложения событий (повествование или рассуждение). Отмеченные различия являются следствием разных целевых установок книжников при составлении памятников, а также определяются условиями их бытования и продолжительностью предшествующей книжной традиции.

Сочетания авторских экспликаций также обусловлены социальным статусом книжника. Присутствие в комбинациях риторических вопросов мысли о необходимости сильной княжеской власти характерно для книжника, приближенного ко двору князя. Сочетания эмотивных и оценочных высказываний указывают на разное соотношение в памятнике церковного и светского начал. Для монастырского летописания характерны случаи употребления нескольких эпитетов в некрологических похвалах князьям (которые типичны для сознания летописца-монаха), в княжеском летописании сочетания авторских экспликаций присутствуют главным образом в воинских повестях (что связано с сознанием летописца, приближенного ко двору князя), а в митрополичьем летописании – в описаниях реалий повседневной жизни (которые были важны для летописца – городского жителя). Наглядно это проявилось и в хрониках: сочетания форм авторского присутствия преобладают во фрагментах, которым авторы стремились дать определенную трактовку (преимущественно в интересах князя). Такие примеры указывают на смысловое выделение книжниками фрагмента текста, что позволяет рассматривать их как элементы авторской рефлексии.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

I. Статьи, входящие в базы Web of Science, Scopus и ISI:

1. *Шаповалов А.В.* Эволюция форм авторского присутствия в южнорусском летописании XI-XIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2021. № 6. С. 182 – 194. ИФ РИНЦ 2021 – 0,230.
2. *Шаповалов А.В.* К вопросу о формах авторского присутствия в древнерусском летописании XI-XIII вв. (интерпретация и типология) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 1. С. 105 – 113. ИФ РИНЦ 2022 – 0,274.
3. *Шаповалов А.В.* Риторические вопросы и восклицания в славянском историческом повествовании рубежа XI-XII вв. («Повесть временных лет», «Чешская хроника», «Хроника Галла Анонима») // Вестник славянских культур. 2022. Т. 65. № 3. С. 256 – 268. ИФ РИНЦ 2022 – 0,216.

II. Статьи в рецензируемых научных изданиях, определенных Положением о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова:

4. *Шаповалов А.В.* Формы авторского присутствия и история ментальностей: проблемы изучения (на материале славянского исторического повествования рубежа XI-XII вв.) // Litera. 2022. № 5. С. 184 – 191. ИФ РИНЦ 2022 – 0,169.
5. *Шаповалов А.В.* Формы авторского присутствия в Новгородской первой летописи // Славянский альманах. 2022. №1 – 2. С. 148 – 161. ИФ РИНЦ 2022 – 0,209.

III. Статьи в других рецензируемых научных изданиях:

6. *Шаповалов А.В.* Особенности употребления сравнений в «Повести временных лет» и «Хронике Галла Анонима» // Слово и общество: сборник статей международного филологического коллегияума. Шумен: Университет Константина Преславского, 2021. Т. II. С. 109 – 118.